

*Коллекционер — это первая ячейка музея,
коллекционеры — актив музея.
Это «кровеносная система», связывающая
государственное хранилище с жизнью.*

Ираклий Андроников

*Если превратить вещи в миниатюры,
удастся выскользнуть из временного
порядка действительности и достичь
своего рода состояния безвременья.*

Ёмота Инухико

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как автор, я должен признаться, что создал довольно странный проект, ибо это не просто книга, не только книга и, возможно, не совсем книга. Это текстовое воплощение моей идеи о создании музея, посвященного долгой, удивительной и, как ни странно, где-то даже романтической истории противостояния российских и японских спецслужб. Сама же идея эта оформилась не сразу, а прошла в своем созревании несколько этапов и состоит из нескольких частей. Во-первых, мне когда-то довелось написать несколько книг, посвященных героям этого противостояния с нашей стороны. Сбор материалов для биографий сопровождался обязательными походами в архивы, встречами с родственниками, продолжателями дела героев по профессиональным линиям (все они были отнюдь не только мастерами тайных дел). У некоторых из моих корреспондентов сохранились уникальные реликвии — вещи, фотографии, документы, связанные с жизнью и деятельностью героев, — то, что теперь называется недавно пришедшим в русский язык словом «меморабилия». Своими меморабилиями делились и архивы: в некоторых из них разрешено заказывать копии интересующих исследователей дел, и эти копии поистине бесценны, ибо дают возможность прикоснуться к истории тем, кто по разным причинам архивы не посещает. Да, копии — это не вполне меморабилии, они не сохраняют запаха старой бумаги, не передают дрожащим кончикам пальцев ощущение ветхости, заставляющее трепетать и сдерживать дыхание настоящего исследователя. Но они сохраняют информацию, слог и даже почерк людей, многих из которых нет с нами уже около столетия, — сохраняют если не дух, то свидетельство времени.

По мере того как я читал и собирал эти документы, держал в руках вещи, которыми пользовались мои герои, крепло желание разрушить собственную монополию на это прекрасное чувство обладания историей, пусть и временного. Иногда это получалось. В 2013 году в Москве в Доме русского зарубежья имени А. И. Солженицына состоялась первая выставка меморабилий, связанных с именем японоведа и разведчика, выдающегося спортсмена и теоретика спорта Василия Сергеевича Ощепкова и его однокашников — русских выпускников Токийской православной духовной семинарии. В несколько измененном виде выставку удалось показать потом в Токио и Южно-Сахалинске. В 2016 году, снова в Москве, по просьбе ветеранов УФСИН (именно так!) в культурном центре при СИЗО-2 — печально знаменитой Бутырской тюрьме, где Василий Ощепков погиб в 1937 году, состоялся вечер его памяти с демонстрацией некоторых реликвий.

К тому времени я опубликовал книгу, посвященную японоведу, писателю и чекисту Роману Николаевичу Киму. Исследование биографии этого человека превратилось в настоящий детектив, точка в котором не поставлена до сих пор. И как в каждом правильном детективе, сюжет время от времени подбрасывал исследователю «улики»: документы, фотографии, вещи самого таинственного писателя Советского Союза. Словом, все те же меморабилии. В мае 2016 года, через месяц после выхода в серии «Жизнь замечательных людей» биографии Романа Кима, в Библиотеке-читальне имени И. С. Тургенева в Москве состоялась выставка «Роман Ким: пароль не нужен». Когда в скором времени началась работа над монографией о следующем персонаже — Рихарде Зорге, я посетил музей в московской школе № 141 имени Героя Советского Союза Рихарда Зорге на улице Зорге, а потом снова и снова возвращался туда. Это место до сих пор остается единственным в Москве собранием овеществленной памяти о человеке, достойном настоящего музея. И тогда у меня впервые возник вопрос: почему у нас нет нормальных, общедоступных экспозиций, посвященных не только Зорге, но и Ощепкову, Киму и многим, многим другим героям своего Отечества, при жизни на славу не рассчитывавшим, но своими делами эту славу, бесспорно, заслужившим?

Второй составляющей идеи создания коллекции «Шпионского Токио» стали мои многолетние путешествия по Японии. Путешествия не только в туристическом понимании, но и в исследовательском — с целью сбора материала для книг. Благодаря этим поездкам были, например, найдены интереснейшие документы, вошедшие в книгу «В тени Восходящего солнца», опубликованную в 2014 году*, среди героев которой значились уже знакомые Ощепков, Ким, Зорге и другие — те самые — герои. При изучении разнообразных материалов, связанных с этими личностями, выяснилось, что многое для правильного понимания того, что, как и где происходило, может дать элементарная привязка имеющихся рассказов к местности. И тогда я, вооружившись всеми свидетельствами, в которых упоминались те или иные районы японской столицы и других городов, явки и адреса, отправился в поход по токийским книжным магазинам и лавкам — нужны были старые карты и справочники. Адресная система Токио в XX веке не раз менялась из-за пожаров, землетрясений и бомбежек, а потому, чтобы сопоставить старые адреса с сегодняшней топографией, понадобилось немало усилий и бумаги — карт и брошюр. В результате на свет появилась книга «Шпионский Токио: Топография Восточной столицы в истории советской разведки»**, а в мой книжный шкаф мертвым грузом легли те самые японские карты и справочники. Увы, «Шпионский Токио», как многие «первые блины», не избежал «комов» ошибок. Основную их часть удалось исправить к его следующему изданию, вышедшему в 2017 году. Но оно увидело свет только на японском языке и под названием «Токио-о айсита супайтати» — «Шпионы, которые любили Токио». Благодаря необходимости исправления ошибок старые карты ненадолго были извлечены на свет, а потом снова — убраны в запасники.

В Москве тем временем удалось опубликовать биографию Василия Ощепкова в той же серии «Жизнь замечательных людей», и я задумался над одной из центральных тем творчества Романа Кима — ниндзя. Задумался и отправился путешествовать по Японии — по памятным местам знамени-

---

* М.: Вече.

** М.: Вече, 2014.

тых ниндзя. Оказалось, что таких немало, и один из главных факторов их популярности — наличие в каждом случае своего, местночтимого или известного на всю страну музея. Даже самые маленькие, со скромными экспозициями — они все равно становятся точкой притяжения для туристов, помогая развиваться небольшим провинциальным городкам, и для школьников, у которых таким образом тренируются историческая память и патриотизм. Сочетание размышлений о воодушевленности Кима идеей своеобразной реинкарнации ниндзя и совершенно очевидный тренд на ниндзя в современной Японии побудили заняться чуть более глубоким исследованием темы. Выяснилось, что в японской Википедии есть даже статья о «российско-ниндзевских отношениях» — невиданное для нас дело. На Кима там, конечно, тоже имеются ссылки, потому что именно ему принадлежала мысль о том, что ниндзя — понятие вневременное и вненациональное. Проще говоря, идея о том, что ниндзя — это просто шпион, только японский. И точно так же как слово «шпион» отнюдь не русского происхождения, но мы все чаще заменяем им куда более славянское «разведчик», так и термин «ниндзя» со временем может получить полные права на место в этом лингвистическом ряду. И уже в ходе этого исследования все новые и новые меморабилии буквально посыпались в мои руки. Стало понятно, что в музее «Шпионский Токио», если бы таковой существовал, помимо персональных экспозиций, посвященных Василию Ощепкову, Роману Киму и Рихарду Зорге, непременно присутствовали бы и другие залы. Было бы никуда не деться от виртуального павильона под названием «Штабс-капитан Рыбников», посвященного, ясное дело, спецслужбистской подоплеке Русско-японской войны 1904—1905 годов, и, конечно от зала «Ниндзя», ибо определение того, что есть *ниндзюцу* и имеет ли оно право на существование в рамках темы «Шпионского Токио», очень скоро превратилось в главную идею построения музея, а затем и написания книги о нем.

Сразу надо заметить, что в любом музее имеется экспозиция, открытая для посетителей, и есть запасники. Их размеры зачастую зависят от вместимости музейного помещения. Но не только. Представленные в экспозиции меморабилии необходимо атрибутировать, должным образом разъяснить, для

чего эти вещи были предназначены, какую роль они играли в свое время, а значит, хотя бы в какой-то степени обрисовать и исторический фон. Если есть возможность, рассказать о провенансе — происхождении и истории владения каждым предметом. Желание проделать все это с имевшимися мемуарами привело меня к знатокам коллекционного дела — Михаилу Михайловичу Тренихину и Алексею Анатольевичу Сидельникову, издателям и редакторам интернет-журнала «Sammlung / Коллекция». Внимание, оказанное читателями первым же статьям автора о некоторых предметах из моего собрания (например, о купленной в Токио визитной карточке владыки Николая, архиепископа Японского*, с запиской дяде Михаила Булгакова), вдохновило на продолжение рассказа в более развернутом формате. Одна история следовала за другой, их становилось все больше, и все же... Часть (и весьма значительная) осталась в виртуальных запасниках, ибо нельзя объять необъятное. Более того, немалая доля описываемых экспонатов находится в руках многих владельцев, проживающих от Берлина до Окинавы, и порой только возможности интернета или печатной публикации позволяют желающим увидеть их.

Как и в настоящем музее, я в роли организатора такой публикации и ведущего кураторской экскурсии предвещаю вступление в каждый зал разной продолжительности преамбулой. Например, для того чтобы понять, насколько обоснованно наше обращение к теме ниндзя в контексте российско-японского шпионского противостояния, придется довольно подробно поговорить о том, кто такие ниндзя, кого мы имеем право так называть и были ли эти люди действительно связаны с Россией.

В случае с залом «Штабс-капитан Рыбников» нет необходимости рассказывать о причинах, ходе и последствиях Русско-японской войны, но стоит сказать несколько слов о довольно сильно мифологизированной истории того же шпионского противостояния в тот период.

Вступление в зал «Монах», названный так по одному из оперативных псевдонимов его героя — Василия Сергеевича Ощепкова, предваряется краткой биографией разведчика,

---

* В миру Иван Дмитриевич Касаткин.

а если кто-то захочет узнать о нем больше и подробнее, я отсылаю любознательных к уже упоминавшейся биографии серии «ЖЗЛ».

Зал «Мартэн», посвященный Роману Киму, построен по тому же принципу, и о его герое тоже можно узнать массу интереснейших подробностей из биографии, изданной в «ЖЗЛ».

Что касается биографии героя зала «Рамзай», то я рекомендую обращаться не только к своей книге, также вышедшей в серии «ЖЗЛ», но и ее важному дополнению 2021 года издания под названием «Другой Зорге. История Исии Ханакко», написанному в соавторстве с Анной Борисовной Делоне.

В каждом из этих залов не только представлено далеко не все, что собрано или, может быть, собрано хотя бы в нашей стране на соответствующую тему (зал «Рамзай» в этом смысле вообще стоит особняком). Важно, что экспозиция каждого не завершена и окончательно не сформирована в принципе. Она является лишь поводом для того, чтобы кто-то заинтересовался ею, ее героями и дальше уже самостоятельно получил шанс ощутить радость первооткрывателя, счастье коллекционера, удовлетворение экскурсовода и терзания исследователя, думающего о том, кто продолжит его дело. С точки зрения автора этого собрания, смысл существования музея в значительной мере заключается не только в демонстрации редкостей, но и в том, чтобы однажды очередной посетитель ткнул пальцем в экспонат и сказал: «О! Я знаю об этом больше!» Мне кажется, что особенно справедливо это в отношении тех музеев, где среди главных реликвий числятся не только вещи, но и бумаги — дела, записки, письма, воспоминания, забытые книги. Их много, но они невзрачны. Старый выцветший текст бывает нелегко прочесть, но сделать это необходимо: так раскрывается история. И если нет у нас возможности почувствовать терпкий запах подлинных архивных дел, то книги — это то, что сохраняет аромат старой бумаги, чернил, лекарственных трав, ядов, а порой и пороха. Именно поэтому впереди вас ждет множество цитат, обилие курсива — это курсив не автора, это курсив истории.

Конечно, эта экскурсия, этот музей были бы совершенно невозможны без труда и помощи их создателю со стороны большого количества людей. Помимо упомянутых, это пре-

жде всего мой бессменный личный редактор — Мария Береснева и главные и единственные профессиональные ниндзюцуведы нашей страны Алексей Горбылев и Федор Кубасов. А также: Георгий Брылевский, Александр Будзинский, Анна Делоне, Руслан Демидов, Ёсида Синго*, Татьяна Казнина, Галина Ким, Алексей Колесников, Татьяна Ксендзова, Татьяна Кузнецова, Наталья Лобанова, Миямото Татиэ, Василий Молодяков, Мурано Кэцуаки, Александр Налимов, Владимир Нехотин, Анастасия Плотникова, Владимир Семибратов, Дмитрий Соков, Андрей Федоров, Дмитрий Шин и многие другие. Спасибо вам всем!

И добро пожаловать — музей открыт!

---

* Все японские имена даются в принятой на Дальнем Востоке последовательности: сначала фамилия, потом имя (не Цзэдун Мао и Чен Ын Ким, а Мао Цзэдун и Ким Чен Ын) и во избежание искажений — без склонения по падежам. При написании используются правила «поливановской транслитерации»: не Тачибана Косай, а Татибана Косай, за исключением устоявшихся вариантов (Токио, а не Токё, Иокосука, а не Ёкосука и т. д.).

ЧАСТЬ

**НИНДЗЯ
ПРОТИВ
РУССКИХ**

Словарная форма

Первый точно известный нам случай, когда ниндзя столкнулись с представителями нашей страны, по счастью, являлся примером не вооруженного противостояния, а напротив: гуманитарного, филологического обмена. Правда, случилось это в характерной для XIX века приключенческой манере, а потому поверить в некоторые нюансы этой истории может оказаться непросто.

В конце славной эры Токугава, на излете эпохи добровольной самоизоляции Японии, а если точно, то в 1855 году, случилось так, что бывший бродячий самурай по имени Татибана Косаи познакомился с русским переводчиком и дипломатом Иосифом Антоновичем Гошкевичем. Оба они были людьми незаурядными, необычными, но при этом совершенно непохожими друг на друга ни по происхождению, ни по складу характера, ни по деталям биографии. Каждый из них пришел к судьбоносной встрече с другим своим затейливым путем.

Татибана Косаи родился в 1820 году в семье низкорангового самурая княжества Какэгава (это территория современной префектуры Сидзуока, недалеко от самого подножия горы Фудзи) и при рождении получил имя Кумэдзо. Позже сам он называл себя Масуда Косаи, но смена имени и фамилии для японцев тех времен — обычное дело. Их разрешалось менять по самым разным поводам — конечно, при вступлении в брак или при усыновлении, но еще и при смене профессии, места жительства, а учитывая отсутствие хоть какого-то централизованного учета — едва ли не по простому желанию владельца. Знакомых бывшего Кумэдзо это волновало мало. Окружающих куда больше беспокоили увлечения странного юноши, на взгляд нормальных японцев той поры и того окру-

жения, безусловно, необычные. Позже японские исследователи писали, что «был он широкой души, любил военное дело и разбирался в артиллерии. Косаи учился в голландской школе (то есть изучал европейские науки, обрывочные сведения из которых в те времена доносили до Японии голландцы. — А. К.) ...и выступал против политики изгнания иностранцев»¹.

Последнее выглядело не просто удивительно. Это было вызывающе и даже опасно — антигосударственно. Следование наперекор популярной идеологии *сонно дзёи* — «почитать императора, изгнать варваров» вкупе с порочной в глазах вышколенного самурайского сословия тягой к свободомыслию сделали из Татибана маргинала в родном княжестве. Покинув его, он фактически стал ронином — самураем без хозяина и, следовательно, без гарантированного источника дохода. Такие отверженные нередко подавались в разбойники, связывались с мелким ворьем, занимались рэккетом, игорным бизнесом, создавая историческую базу для будущей японской мафии — якудза. Косаи пошел как раз по последнему пути: он увлекся азартными играми — сферой интересов преступных групп еще с феодальной эпохи — и трижды попадал в тюрьму. Судя по тому, что он так же трижды выходил из нее, проступки были невелики, но опыт Косаи приобрел немалый. Общаюсь и с представителями сил самурайского правопорядка, и с теми, кого они ловили, он получил шанс близко познакомиться с традиционными японскими методами розыска и задержания преступников. Вот только выглядели перспективы такого знакомства весьма печально, и, выйдя, наконец, на свободу в третий раз, Татибана ощутил себя не только человеком с чистой совестью, но и отчасти даже просветленным. Ничтоже сумняшеся он принял постриг и стал буддийским монахом. Увы, скоро выяснилось: просветление оказалось лишь краткой вспышкой, после которой бессмертная душа Татибана вновь погрузилась во мрак. Как ни удивительно, но косвенно этому «поспособствовал» встреченный японцем дипломат из России.

Иосиф Антонович Гошкевич когда-то хотел быть священником. Он родился в 1814 году в селе Стреличеве на территории современной Гомельской области Белоруссии и в 1835 году окончил Минскую духовную семинарию. Отучившись следом еще и в Петербургской духовной академии, в 1839 году Гош-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Часть 1	
НИНДЗЯ ПРОТИВ РУССКИХ	13
Словарная форма	14
Боевой пловец Савамура	19
Врубиться в историю	24
Ниндзя-черепашечники	31
Особый отряд правительственной связи	35
ЗАЛ «НИНДЗЯ»	41
Пером и шпагой. Вариант ниндзя	41
Неверный луч синоби	47
Ниндзя Никки	50
Самый простой экспонат	55
Часть 2	
ИМЯ ИМ — ЛЕГИОН?	59
ЗАЛ «ШТАБС-КАПИТАН РЫБНИКОВ»	64
Всадник Евразии	70
Дружить с драконом	79
Капитан Сорви-голова	87
Загадка одной открытки	103
Дело «Корейки»	108
Часть 3	
«ПРАВОСЛАВНЫЙ НИНДЗЯ»	119
ЗАЛ «МОНАХ»	128
История одного зеркала, или Зеркало одной истории	138
Фото на память	142
Меморабиили досамбистской эпохи	146
Дела эти скорбные	149

Часть 4

СОВЕТСКИЙ НИНДЗЯ РОМАН КИМ 163

Мугэй мумэй 165

От синоби к ниндзя 169

Профессионал 180

ЗАЛ «МАРТЭН» 185

Трубка Кима 186

Трубка Чена 189

Встреча принцев в Балаклаве 192

История о том, как красноармеец, чекист и панцирный
демон Японию изучали 201

Дракон — Соколу 212

«Мои читатели» 215

Ордена по цене лома 219

Почетный чекист 220

Красная Звезда 224

За победу над Японией 226

Поволжские сказки 229

Арзамас 232

Полковник Дзинтан 235

Часть 5

РИХАРД ЗОРГЕ. МУЗЕЙ, КОТОРОГО НЕТ 241

ЗАЛ «РАМЗАЙ» 259

Москва — Чебоксары 260

Санкт-Петербург — Петрозаводск 266

Япония 268

Где-то 275

Кинозоргиана 278

Япония в сталинском шкафу 289

Люди гибли за словарь 297

Возвращение «Рамзая» 306

Эпилог 312

Примечания 314

Литература 323

Виртуальный каталог музея «Шпионский Токио» 329